

0723942-7

На правах рукописи

Корнишина Галина Альбертовна

Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса (структура, субъекты, основные компоненты).

07.00.07 – этнология, этнография, антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

МОСКВА 2001

Работа выполнена в Мордовском государственном педагогическом институте имени М.Е.Евсевьева.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Козлова К.И.
доктор исторических наук, профессор Федоров В.А.
доктор исторических наук Салмин А.К.

Ведущая организация – Институт этнологии и антропологии РАН

Защита состоится « 26 » ноября 2001 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.78 при историческом факультет Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. Адрес: 119899 г.Москва, Воробьевы горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов МГУ, исторический факультет, ауд. 550.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки им. А.М.Горького (1-й корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан « 22 » октября 2001 г.

Ученый секретарь
специализированного Совета

Зверева Ю.И.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ

0000975585

Проблемы изучения народной культуры и, в частности, ее обрядовой сферы являются традиционными для этнографической науки. Аспекты исследования данной проблемы многогранны: разработка ее теоретико-методологических основ, рассмотрение обрядовых циклов и отдельных ритуалов, выявление семантики их компонентов.

В целом отечественная этнография в последнее время достигла ощутимых результатов в изучении этнической культуры. Но ни в одной, даже очень объемной работе, невозможно исчерпать всю изучаемую проблему, рассмотреть все направления ее развития, взаимодействия с другими народами, отразить особенности культуры, присущие как всему этносу, так и его отдельным группам. Очевидно, что наступило время дальнейшего теоретического осмысления обширного материала по обрядовой культуре народов нашей страны, структурно-функционального анализа ее компонентов, определения закономерностей их формирования и развития, рассмотрение характера их взаимодействия друг с другом. И это вполне объяснимо, так как любой этнос, будучи социальным организмом общества, постоянно изменяется: меняется его демографическая структура, происходят перемены в функциональном использовании отдельных элементов культуры, трансформируются этические нормы, стереотипы сознания и т.д.

Актуальность темы. Обрядность любого народа представляет тот слой культуры, который в современных условиях несет основную этническую нагрузку. Ее стержневой основой является устойчивость и традиционность форм. Несмотря на значительную степень разрушенности и неизбежных эволюционных преобразований, обрядовая сфера сохраняет отдельные элементы весьма архаичных структур и глубинной мифологической семантики. Прослеживая изменения и инновации, происходящие с ней в различные периоды, в разных социальных средах, реконструируя ее древние пласты, можно получить наиболее полное и глубокое представление об этнической истории народа, эволюции его мировоззрения, связях с другими этносами, различных аспектах духовной и материальной культуры.

Таким образом, обычаи и обряды являются своего рода хранителями достижений прошлого. С их помощью народ воспроизводит себя, свою культуру и характер из поколения в поколение. Именно поэтому многие столетия приверженность обычаям и традициям своих предков рассматривалась людьми как один из законов жизни. Следование им позволяло человеку ощущать себя не только индивидуальной личностью, но и членом определенного этнического, социального, возрастного сообщества. Это укрепляло его связь со своим народом и являлось важным фактором сохранения и развития этнического самосознания. К сожалению, в период созидания так называемой социалистической культуры в нашей стране, отношение к этой стороне народной жизни было в основном нигилистическим. В быт внедрялись новые обычаи и обряды, как правило оторванные от духовного наследия самого народа, поэтому большинство из них не находило отклика в душах и сознании людей. В результате

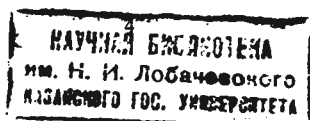
постепенно создавался вакуум бездуховности, который, наряду с другими причинами, играл и играет деградирующую роль в обществе.

Сегодня уже очевидно, что необходимо в корне изменить отношение к позитивному духовному наследию предшествующих поколений. Заложенный в традиционных обычаях и обрядах огромный гуманистический потенциал, может стать фундаментом нравственного и духовного воспитания молодежи, привития им устойчивых образцов поведения и общения, культурных норм и ценностей. Одним из способов достижения данных целей может быть включение традиционных обрядовых действий в современные празднества, что будет способствовать зарождению интереса и внимания к ним подрастающего поколения. Для этого необходимы соответствующие научные изыскания о различных аспектах обрядовой культуры, взаимодействии ее компонентов, механизмах передачи духовных ценностей от одного поколения к другому.

Подобные исследования актуальны еще и потому, что в современных условиях сфера бытования традиционной обрядности постоянно сужается: многие ее элементы исчезают или находятся на грани исчезновения, сократилось число носителей обрядности. Хранителями ее традиционных форм преимущественно является старшее поколение, с уходом которого может навсегда исчезнуть уникальная часть народной культуры. Поэтому необходимо зафиксировать и оставить в памяти последующих поколений сохранившиеся, а также уже вытесненные из быта, так называемой «массовой» культурой, традиционные обычаи и обряды, проследить их истоки, рассмотреть их структуру. Такое комплексное рассмотрение обрядовой культуры отдельных этносов позволит наметить пути сохранения и развития этнических ценностей, что представляется особенно важным в современных условиях, когда именно духовная культура (в том числе и ее обрядовая сфера) стала одним из важнейших символов этноса, его интегратором и стабилизатором.

Все это имеет особую актуальность для мордвы, в среде которой в условиях дисперсного расселения, активных урбанизационных и интеграционных процессов происходит девальвация ее этнического своеобразия и национального самосознания, что вызывает неотложную необходимость не только системного фиксирования традиционных слоев обрядовой культуры, но и научного анализа ее роли в торможении данных негативных процессов.

Цель и задачи исследования. Основная цель данной работы состоит в том, чтобы на основе анализа основных структурных элементов и составных компонентов традиционно- обрядовой культуры мордвы рассмотреть ее как исторически сформировавшийся сложный комплекс, один из важных блоков в системе этноса. Главный упор сделан на изучении тех ее аспектов, которые помогают составить более полное представление об этнической истории, занятиях, религиозных верованиях, общественном и семейном быте, этнокультурных связях мордовского народа.

В соответствии с намеченной целью в работе ставились следующие конкретные задачи:

- проследить истоки, первоначальное значение и современное состояние важнейших структурных элементов и составных компонентов традиционной обрядности мордвы;
- охарактеризовать обрядовые функции основных субъектов (носителей) ритуальных комплексов этноса на различных исторических этапах;
- проанализировать тенденции модификаций обрядовых комплексов во взаимодействии с развитием их носителя – мордовского этноса;
- выявить общие и специфические черты традиционно-обрядовой культуры этнических и территориальных групп мордвы, а также сходство и различие в обрядности мордвы и других народов Поволжского региона.

Объектом данного исследования является традиционно-обрядовая культура мордвы – один из важных компонентов функционирования и эволюции этноса. За длительную историю своего существования она испытала различные влияния внешнего и внутреннего характера, которые во многом определялись развитием и состоянием самого этноса. Данные факторы обуславливают и ряд особенностей исследования избранной темы. Так, в диссертации рассматривается обрядовая культура сельского населения, ибо как вплоть до недавнего времени мордва преимущественно жила в сельской местности (лишь по переписи 1989 года доля горожан среди нее стала составлять 50,1 процента). В силу этого основным носителем (субъектом) традиционной обрядности до сих пор выступает сельское население. Из-за специфики своего расселения (люди живут в условиях более тесного соседства, чем в городе, непосредственных контактов с локальной общественной средой – сельским коллективом), большей моноэтничности поселений, сравнительно слабого развития социальной инфраструктуры и ряда других причин, сельские жители отличаются приверженностью к сохранению народных традиций, их консервации. Кроме того, культура селян имеет много общего с культурой городской мордвы, особенно недавних мигрантов из сельской местности. Последние принесли с собой и, как правило, сохраняют в своем быту многие элементы обрядности своего народа.

Другой характерной особенностью мордвы является большая дисперсность ее расселения. В границах РМ проживает лишь треть всего мордовского населения страны. Компактные группы мордвы обитают практически во всех регионах Урало-Поволжья, а также в Сибири, Алтайском крае, Московской области и других местах. По этой причине в представляемой работе диссертант привлекает материал по обрядовой культуре не только мордовского населения одноименной республики, но и других территорий. В силу определенных условий (изоляция от других групп мордвы, тесных контактов с соседними народами) культура отдельных групп мордовской диаспоры сохранила, с одной стороны, многие архаичные черты, исчезнувшие или претерпевшие существенные изменения у мордвы,

живущей в Мордовии; а с другой стороны, приобрела ряд элементов, которых не было на прежней территории их обитания. Эти новации появились как в результате этнических контактов мокши и эрзи с другими народами, так и в результате их близкого взаимодействия друг с другом. Дело в том, что в отличие от РМ, где эти этнические общности мордвы территориально удалены друг от друга (мокша проживает в юго-западной части республики, а эрзя - в восточной), в других регионах они часто селились вместе. Это было характерно, например, для Пензенско-Саратовского края, Заволжья (Самарской и Оренбургской областей, Татарстана и Башкортостана) и др.

Еще одним важным фактором, который надо учитывать при изучении мордовского этноса, является его бинарная структура, то есть наличие в его составе двух этнических общностей (**мокши и эрзи**), которые обладают собственным самосознанием, языком и отмечены специфическими чертами культуры. Кроме того, в среде мордовского народа выделяются две этнографические группы (так называемые **шокша и каратаи**), у которых имеются отдельные специфические элементы культуры, но они не обладают самосознанием, отражающемся в этническом самоназвании. До середины XX века в структуре мордвы выделяли еще одну этнографическую группу – **терюхан**, которая теперь полностью обрусела. Все названия вышеперечисленных этнографических групп мордвы не являясь этнонимами, они даны им исследователями и связаны с их географическим расселением. **Шокша** свое название получила по одному из населенных пунктов своего проживания – селу Шокша Теньгушевского района, название **каратаи** также произошло от названия сел, в которых они живут (Мордовские Каратаи и Заовражные Каратаи Камско-Устьинского района Татарстана). **Терюхане**, скорее всего эрзянская группа, жившая в прошлом в Терюшевской волости Нижегородского уезда Нижегородской губернии (ныне Дальнеконстантиновский район Нижегородской области).

Теоретические основы и методы исследования. Теоретической основой представляемого исследования является структурно-исторический анализ традиционной обрядности. Он дает возможность поэтапно проследить исторические напластования в обрядовом комплексе, механизм появления в нем новаций и инноваций, определить основу и первоначальное значение его структурообразующих компонентов, их взаимодействие и тенденции развития. Хотя данный метод не всегда может претендовать на максимальную точность и достоверность, поскольку в нем неизбежно присутствие гипотезы и субъективной точки зрения, но это, в определенной степени, оправдано стремлением создания целостной картины традиционно-обрядовой культуры мордовского народа.

Важной частью каждого научного исследования является **терминология**, так как термин, перенесенный в другую научную область или употребляемый в другой интерпретации, может вызвать недопонимание. Для данной работы важно, в первую очередь, разграничить такие понятия, как **обычай** и **обряд**. В бытовом общении их часто смешивают, отождествляют

между собой. В научной среде понятию *обряд* придают более узкое значение сравнительно с *обычаем*. Последний понимается как «установленное правило поведения в данной этнической общности»¹, «обусловленное правило, норма поведения»², или «стереотипный способ человеческой деятельности, копируемый новыми поколениями»³, «форма поведения, связанная деятельностью, имеющей практическое значение»⁴. *Обряд* же охватывает, в основном, знаковые формы поведения, являясь комплексом условно-символических действий, цель и смысл которых «выражение... некоей идеи, чувства, действия, либо замена непосредственного воздействия на предмет воображаемым (символическим) воздействием»⁵. Говоря же о разнице между терминами *обряд* и *обрядность*, можно указать на конкретность в первом случае и комплексность во втором.

В мордовских языках существуют два понятия, которые отражают сущность двух вышеперечисленных терминов. Понятие *кой* – (м., э.) ближе к *обычаю*, оно означает уклад жизни, сложившиеся в течение долгого времени правила поведения. А понятие *ила* употребляется и в значении *обычай*, и в значении *обряд*. Часто их производят вместе: *койтне* – *илатне*, стремясь передать этим общие установившиеся (осовремененные или бытовавшие ранее) правила поведения, порядок действий, в том числе и знаковых. Иногда для обозначения *обычая* употребляется и понятие *ила-кирда* (букв. целый ряд обычаев, обрядов), имеет оно и другое значение – *ворожба*, колдовство.

Что касается других терминов – *ритуал*, *церемония*, родственных понятию *обряд*, то, как и ряд других исследователей (В.Н.Топоров, А.К.Салмин) я буду пользоваться ими параллельно.

В научной литературе твердо закрепились и такие понятия, как *традиционная культура*, *традиционная обрядность*, под которой обычно подразумевают область культуры, которую передают из поколения в поколение для поддержания функционирования этноса. В процессе исторического развития возникают *новации* – новые элементы культуры, некоторые из них воспринимаются этносом у других народов – *инновации*. И *новации*, и *инновации*, сохраняясь и передаваясь в пределах этноса, также постепенно становятся *традиционными*. Часто в качестве синонима последнему понятию употребляется термин *народная культура (обрядность)*, что соответствует применяемым в западных исследованиях словосочетаниям *folk ritual*, *folk ceremony* и т.п. В настоящее время понятия

---

¹ Итс Р. Введение в этнографию. Л., 1991

² Пименов В.В. Удмурты. Л., 1977.

³ Угринович Д.М. Обряды, за и против. М., 1975.

⁴ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.

⁵ Токарев С.А. Введение // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.

народная культура, народное искусство, часто противопоставляются *профессиональной культуре, профессиональному искусству*, которые создаются людьми-специалистами, работавшими в сфере творческой деятельности (музыкальной, театральной, изобразительного искусства и т.п.).

Классификация обрядов. Исследователь, занимающийся изучением традиционной обрядности, неизбежно сталкивается с проблемой классификации. В этнографической науке имеется множество точек зрения о критериях последней. Например, Е. Г. Кагаров предлагал группировать народные обряды исходя из их цели, времени выполнения, психологических и логических принципов¹. Большинство исследователей до недавнего времени разделяли обряды на две большие группы: *календарные* — связанные с трудовой деятельностью, и *семейные* — свадебные, родильные, похоронные и поминальные. По этому принципу были распланированы многие монографии, в которых материал подавался по отдельным этносам или регионам². В последние годы некоторые ученые стали подвергать сомнению подобную классификацию, мотивируя это тем, что термины *семейные* и *календарные* являются понятиями разного порядка и во многом перекрещиваются. Они предлагают разделить обрядность на *календарную* или *сезонную* и *обрядность жизненного цикла*. Причем и в самих этих категориях естественно существует своя градация. Так, *сезонные праздники* обычно делят на имеющие определенную дату (дни солнцеворота, церковные праздники) и обряды *окаzionaliные* (от лат. occasionalis — случайный), с нефиксированной датой. Среди последних выделяются две разновидности: 1. повторяющиеся из года в год в определенную пору (начало и конец пахоты, жатвы, пастбищного содержания скота), 2. необязательные, совершаемые по необходимости (во время засухи, эпидемий, падежа скота). *Календарные обряды* нередко разделяют и по временам года³. При этом, как правило, год разбивается не на четыре, а на три периода. Исследователи рассматривают отдельно наиболее насыщенные ритуальными действиями зимние и весенние циклы, а летние и осенние праздники описываются в различных сочетаниях. Обряды начала лета, знаменующие окончание сева, являются как бы продолжением весенних, а в конце лета начинается жатва, то есть они

---

¹См.: Кагаров Е.С. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1929; Кагаров Е.С. Классификация и происхождение земледельческих обрядов // ИОАИЭ.- Казань, 1929.-Т. XXXIV.-Вып.3-4.

²См., напр.: Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX-начала XX века. Зимние праздники. М., 1973; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX-начала XX века. Весенние праздники. М., 1977; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX-начала XX века. Летне-осенние праздники. М., 1978.

³См., напр.: Имайкина В.Л. Осенние обряды крестьянского мордовского календаря // Вопросы финно-угроведения. - Вып.6. Саранск, 1975.- С.310-315; Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря. М., 1957.

смыкаются с осенними ритуалами. То же самое иногда наблюдается и в отношении осеннего цикла: осенние праздники, отмечающиеся по окончании жатвы, некоторыми исследователями рассматриваются вместе с летними обрядами, а октябрьско-ноябрьские - вместе с зимними.

Такое же различие наблюдается и в отношении *обрядов жизненного цикла*. Иногда здесь рассматриваются лишь *родильные, свадебные, похоронные и поминальные* ритуалы. А в последнее время многие ученые стали включать в этот перечень так называемые *обряды совершеннолетия*, которые отмечали изменения в социовозрастном статусе молодых людей. Многие из них ведут свое начало от так называемых *инициаций* (от лат. *initiare* — начинать), которое у всех народов означало посвящение юношей и девушек в полноправные члены определенного социума, переход их в группу взрослых. Существовал и ряд других посвященных обрядов, сохранявшихся, например, у мордвы, вплоть до начала XX века.

Некоторые исследователи предлагают классифицировать обряды в зависимости от состава их участников: *общественные* (общесельские, межсельские), *семейно-родовые* и *индивидуальные* (обряды от порчи, болезней, приворожение). При этом в первую группу вводятся обряды, связанные преимущественно с хозяйственной деятельностью людей; во вторую - наряду с ритуалами, непосредственно касающимися быта семьи и родового коллектива, включаются и домашние моления, знаменующие начало или окончание каких-либо работ в земледелии, скотоводстве, постройке и заселении нового дома и т. п.¹

Все из вышеперечисленных классификаций имеют свои положительные стороны и недостатки. Изучение фактического материала показывает, что между отдельными видами обрядов нет резких границ. Многие *семейные* и *посвященные* обряды включают в себя моменты, направленные на обеспечение удачи в хозяйственных делах. И, наоборот, во время молений и праздников в честь божеств покровителей земледелия, скотоводства и т. п., всегда просили их и о благополучии в семье. О нечеткости сезонных границ уже говорилось выше. То же самое можно сказать и о *субъекте* или *носителе* того или иного обряда, то есть о том, какой человеческий коллектив является его участником. Очень часто в одном и том же обряде вначале участвовала вся община или какая-либо ее часть (все виды общественных и церковных молений, различные братчины), а затем люди расходились по домам, неся с собой освященную пищу, и следующий этап обряда проходил в семье. Во время многих праздников (Рождество, Пасха, Троица) одновременно совершались общественные и семейные обряды, когда группы молодежи обходили дома, где хозяева веселились в кругу семьи, так что одно пересекается с другим.

---

¹Салмин А. Религиозно-обрядовая система чувашей. Чебоксары, 1993; Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994.

Но это вовсе не означает, что не надо стремиться классифицировать обряды. Без четкого изложения материала исследователю трудно будет четко изложить свои мысли, донести их до других. Поэтому, в зависимости от своих целей, круга охватываемых задач, каждый автор предлагает свою классификацию традиционной обрядности или присоединяется к уже ранее предложенным концепциям. В данной работе, рассматривая традиционную обрядность мордвы, я придерживаюсь деления ее на две большие группы: *обряды жизненного цикла*, сопровождающие заключение брака, рождение ребенка, наступление совершеннолетия молодых людей, а также смерть человека; и *обряды, связанные с хозяйственной деятельностью народа* – земледелием, скотоводством и пчеловодством, постройкой и заселением нового дома.

Что касается методики исследования предлагаемой проблемы, то она включает реконструкцию изучаемых процессов путем описания, сопоставления, сравнения, а также обобщения отдельных компонентов и структурных элементов обрядовой культуры мордвы. Конечно, говоря о конкретном блоке обрядности необходимо раскрыть его содержание, так как без этого нельзя определить его историческое и функционально настоящее место в ритуальных циклах. Назвать работу в этом направлении описательной – явная ошибка, ибо справедливо указывает исследователь, «пока не будет установлен состав образующих систему элементов, всякие рассуждения об их взаимодействии окажутся мало плодотворными»¹.

Научная новизна диссертации. Работа представляет собой первое, обобщающее и специальное историко-этнографическое исследование, где традиционная обрядность мордвы рассматривается как существенный компонент этноса, один из важных стабилизаторов этнического самосознания, в котором нашли отражение основные этапы многовековой истории народа, его хозяйственные занятия, общественный и семейный быт. Создана в определенной степени целостная картина традиционной обрядности мокши и эрзи, исследованы основные тенденции ее развития, структура, обрядовые функции субъектов, взаимодействие с обрядностью других народов.

В научный оборот впервые введено значительное количество архивных документов и полевого материала, собранного автором в различных регионах проживания мордвы.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что она заполняет пробелы, связанные с изучением этнической истории и культуры мордовского народа, представляет фактический и аналитический материал для последующих исследований в области этнической ментальности, религиоведения и культурологии. Данный материал также может быть использован как при подготовке учебных пособий для вузов, средних школ,

---

¹ Маркрян Э.С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972. - С.17.

научно-популярных работ для широкого круга читателей, так и при решении некоторых этнологических и культурологических проблем.

Апробация результатов исследования. Рукопись диссертации обсуждена и одобрена на заседании кафедры этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова и кафедры мировой и национальной (мордовской) культуры Мордовского государственного педагогического института имени М.Е.Евсевьева. Основные положения диссертации были доложены на VIII Международном конгрессе финно-угроведов (Ювяскуля, 1995), I и II-ом Международных конгрессах этнографов и антропологов (Рязань, 1995; Уфа, 1997), III Конгрессе этнографов и антропологов России (Москва, 1999), XI-тых Международных Виноградовских чтениях (Ульяновск, 1998), I и II-ой Всероссийских конференциях финно-угроведов (Йошкар-Ола, 1994; Саранск, 2000); Республиканских и региональных академических, научных, научно-практических конференциях (Саранск, 1995, 1997, 1998, 1999; Сарapul. 1997).

Основные результаты работы получили отражение в монографии «Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования» (Саранск, 2000); в учебных пособиях «Обряды жизненного цикла у мордвы» (Саранск, 1996), «Сезонные обряды мордвы» (Саранск, 1999); в соответствующих разделах коллективных монографий «Мордва Заволжья» (Саранск, 1994, главы III, V), «Мордва. Историко-культурные очерки» (Саранск, 1995, глава XI) и в других публикациях.

Историография проблемы. Изучение обычаев, праздников, поверий и других элементов обрядовой культуры мордвы имеет длительную историю. Первые упоминания о мордовских верованиях и обрядах встречаются в записках некоторых иностранных путешественников XIII – XVII вв.: фламандца В.Рубрука, венгра Юлиана, итальянца И.Барбаро, англичанина Д.Флетчера, шведа П.Петрея, голландца Н.Витсена и других¹.

---

¹Барбаро и Контарини о России. Л., 1971; История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями и о московских законах, правах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года. М., 1867; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957; Юлиан. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом, и письмо папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т V; Проезжая по Московии (Россия XVI – XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.

Множество сведений по обрядовой культуре мордвы содержится в русских источниках. Более подробными они становятся с момента включения мордвы в социально-экономическую систему русского государства, то есть приблизительно с XVII века. В XVIII в. Российской академией наук были организованы научные экспедиции с целью собирания сведений об истории и современном состоянии проживавших в России народов. Маршруты этих экспедиций прошли и по территориям, заселенным мордвой. Участники их оставили оригинальные свидетельства как в целом о мордовском народе, так, в частности, и о его обрядности¹.

Среди источников XVIII века надо отметить и записки уездного землемера К.Мильковича², которые содержат ценные сведения о поминально-погребальном ритуале мордвы, а также ее верованиях. Милькович дает и первое, довольно подробное, описание пантеона мордовских божеств и молений, связанных с хозяйственной деятельностью народа.

В XIX в., когда этнография выделилась как самостоятельная научная дисциплина, стали возникать организации, научные общества, занимавшиеся этнографическими исследованиями. В 1845 г. в России было создано Русское географическое общество (РГО), где существовало отделение этнографии. Его сотрудниками были П.И.Мельников, В.Н.Майнов, А.А.Шахматов, которые опубликовали труды, по истории, этнографии, фольклору мордовского народа³. Глубоким и обстоятельным исследованием является монография «Мордва» профессора Казанского университета И.Н.Смирнова. В нем были обобщены практически все имевшиеся к концу XIX в. сведения о мордовском народе в области истории, этнографии, фольклора и языка⁴.

В 1878 г. при Казанском университете было основано Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), члены которого активно изучали историю и культуру народов Поволжья. Общество стало выпускать свой

---

¹ Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обычаев, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч.1; Дневные Записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб., 1809.

² Милькович К. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. №18.

³ Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1981; Майнов В.Н. Очерк юридического быта мордвы // Записки РГО. СПб., 1885. Т. XIV. Вып. 1; Mainov W. Lez restes de la mythologie Mordvine // Journal de la Societe Finno- Ougrienne. Helsingissa, 1889; Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.

⁴ Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.

печатный орган - «Известия», активными корреспондентами которых стали как местные краеведы, так и ученые. В «Известиях», а также губернских и епархиальных ведомостях публиковались фольклорные тексты, сообщения о быте и обрядности. Все они до сих пор находятся в научном обороте.

В целом для дореволюционной литературы, посвященной культуре мордвы характерны такие черты, как описательность, фрагментарность, слабая практическая направленность. Надо отметить и неравномерность изучения дореволюционными исследователями компонентов культуры. Наибольшее количество публикаций посвящено религиозным верованиям, семейным и общественным обрядам и праздникам, обычному праву. Значительно слабее изучены материальные компоненты культуры, которые просто описывались, а не классифицировались с учетом социальных факторов, приобщения к социальной среде, обрядовой сфере и т.п. Наряду с этим, надо отметить, что эти работы составляют мощную фактологическую базу, на которую опирались и продолжают опираться все исследователи быта мордовского народа.

В 1920-30-х годах абсолютное большинство работ по обрядовой культуре мордвы касалось, прежде всего, ее реликтовых форм. Например, М.Т.Маркелов уделял основное внимание изучению верований и мифологии финно-угорских народов, в первую очередь культа предков и похоронно-поминальных ритуалов¹. Рассматривал он и такие ранние формы религии, как знахарство и колдовство, а также и обряды аграрного культа.

В этот период оживилась работа по изучению материальной и духовной культуры мордовского населения различных регионов. В частности, по инициативе Пензенского краеведческого музея и Общества любителей естествознания и краеведения в 1923-1924 годах были проведены этнографические экспедиции в Городищенский, Краснослободский, Наровчатский, Спасский уезды. Их участники (Н.И.Спрыгина, Б.Н.Гвоздев, И.Г.Тимофеев, И.Г.Черапкин) сделали оригинальные описания жилища, костюмов, священных урочищ, различных форм религиозных и других обрядов, знахарства и ворожбы, собрали коллекции женских и мужских костюмов, головных уборов, украшений и вышивок. Собранный материал частично был проанализирован и представлен в ряде вышедших в те годы работ².

Значительны заслуги в изучении мордовской культуры ученых Саратовского университета и Этнографического отдела Общества истории,

---

¹ См.: Маркелов М.Т. Мокшэрзятнень эрямо пиньгест. М., 1929; Маркелов М.Т. Мордва // Религиозные верования народов СССР. М., 1931. Т.2. С.178-189; Маркелов М.Т. Культ умерших в похоронном обряде волго-камских финнов (мордва, мари и вотяки) // Религиозные верования народов СССР. М., 1931. Т.2. С.269-281.

² Спрыгина Н.И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского у. Пензенской губ. //Средне-Волжский Пензенский областной музей. Пенза, 1928. Вып.3; Черапкин И.Г. Зернохранилища или ступы // СЭ. 1934. №1-2. С.190-192.

археологии и этнографии (А.А.Гераклитовым, Б.М.Соколовым, М.Т.Маркеловым, П.Г.Любомировым, П.Д.Степановым). Начиная с 1919 года сотрудники этих научных центров неоднократно выезжали в районы расселения мордвы с целью ее изучения. Наиболее удачным обобщением этих исследований является работа М.Т.Маркелова «Саратовская мордва», в которой были описаны народный костюм, жилище, обряды и верования, художественное творчество мордвы Петровского и Хвалынского уездов, дан критический обзор дореволюционной литературы о мордве¹.

Определенный вклад в исследование культуры мордвы в 20-е годы XXв. внесли также научные сотрудники Академии материальной культуры, института народов Востока, Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей, а также созданного в 1925 году в Москве Общества по изучению мордовской культуры, куда входили видные деятели национальной интеллигенции: И.Х.Бодяшкин, Ф.Я.Велин, Т.И.Данилов, П.С.Глухов, И.В.Тужилкин, Ф.Ф.Советкин, М.Е.Евсевьев, З.Ф.Дорофеев, М.Т.Маркелов, Г.К.Ульянов и др. В частности, М.Е.Евсевьев, работая длительное время (1919-1929 гг.) заведующим и научным сотрудником этнографического отдела Казанского государственного музея, продолжал активно вести, начатые с 80-х годов XIX века, исследования мордовской культуры. Среди его работ наибольшую ценность представляют «Мордовская свадьба», «Мордва Татреспублики», «Заметки о мордовских молениях», «Заметки о мордовских обычаях». В них дается тщательный и аргументированный анализ общих и своеобразных черт мокшанских и эрзянских свадеб, обычаев, молений, традиционных и инновационных черт в них.

С 1932 года после образования Научно-исследовательского института мордовской культуры (ныне научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Правительстве РМ) основная собирательская и исследовательская работа по бытовой культуре сельской мордвы сосредоточилась в городе Саранске.

Новый этап в истории этнографического изучения мордвы начинается с 1950-х годов, когда внимание исследователей было обращено не только на традиционные элементы народной культуры, но также и на современные формы ее бытования. Большой фактологический материал по этнической истории, расселению, антропологии мордовского народа, различным аспектам его материальной и духовной культуры был накоплен во время совместных экспедиций Института этнографии АН СССР и ученых Мордовии по различным регионам компактного проживания мокши и эрзя (Мордовии, Башкирии, Чувашии, Татарии, Горьковской, Пензенской, Куйбышевской и Оренбургской областям). Это дало мощный толчок развитию мордовской этнографической науки. В процесс изучения мордвы активно включились

---

¹ См.: Маркелов М.Т. Саратовская мордва // Саратовский этнографический сб. Саратов, 1922. С.53-238.

такие исследователи, как этнографы В.И.Балашов, Н.Ф.Мокшин, Т.П.Федянович, Н.Ф.Беляева, фольклористы А.И.Маскаев, К.Т.Самородов, В.Л.Имайкина, Т.П.Девяткина, Н.И.Бояркин, искусствовед В.С.Брыжинский и др. В их работах были рассмотрены многие компоненты культуры мордовского народа, в том числе и ее обрядности¹.

Достиженные результаты по изучению культуры и быта мордвы позволили создать такие труды обобщающего характера, как «Мордва. Историко-этнографические очерки» (1981г.), «Народы Поволжья и Приуралья» (1985г.), «Мордва Заволжья» (1994г.), «Мордва. Историко-культурные очерки» (1995г.) и др. В них наряду с другими аспектами истории и культуры мордвы затрагиваются и проблемы обрядовой культуры.

Таким образом, исследование традиционной культуры мордовского народа имеет длительную историю, в ходе которой накоплен богатый материал как эмпирический, так и теоретический. Однако в условиях радикальной перестройки всех сторон социальной, культурной, общественно-политической жизни народов страны, интензивного повышения роли личностного фактора этническая культура, будучи динамической системой, продолжает развиваться и видоизменяться. Все это требует ее дальнейшего комплексного осмысления, в том числе со стороны этнографов, объектом внимания которых являются этнические показатели национальных процессов.

Источниковедческой базой исследования явились материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ), архива Русского географического общества (РГО), архивов Пензенской, Самарской и Ульяновской областей, городов Бутуруслана и Бузулука, рукописного фонда Мордовского научно-исследовательского института

---

¹ См.: Балашов В.А. Бытовая культура мордвы: традиции и современность. Саранск, 1992; Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы. Саранск, 1977; Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос. Саранск, 1989; Федянович Т.П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (кон.ХІХ- 1980-е гг.). М.,1997; Беляева Н.Ф. Традиционные приемы по уходу и воспитанию детей у мордвы (конец ХІХ – начало ХХ века). Диссертация на соискание уч. степени кандидата ист. наук. Саранск, 1986; Маскаев А.И. Мордовская народная сказка. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1947; Маскаев А.И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск: Мордовское кн. изд-во,1964; Самородов К.Т. Мордовские пословицы и присловья. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1968; Самородов К.Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1980; Имайкина В.Л. Обряды календаря зимнего сезона у мордвы //Уч. записки Мордовского ун-та. Саранск, 1968. -№64. -С.72-93; Девяткина Т.П. Мокшанские свадебные обряды и песни. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1992; Бояркина Л.Б. Календарные и круговые песни эрзянских переселенцев Среднего Заволжья (жанры, функции, музыкально-стилевые особенности) //Современное песенное искусство мордвы. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 74. Саранск, 1984. – С. 78-103; Брыжинский В.С. Народный театр мордвы. Саранск, 1985.

языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия (РФ МНИИЯЛИЭ).

Документы архива РГО являются сообщениями местных корреспондентов, содержащие большой фактический материал об отдельных обычаях и обрядах, бытовавших в тех мордовских селениях, где они проживали.

Автором были использованы богатейшие рукописные материалы известного мордовского ученого М.Е.Евсевьева, хранящиеся в ЦГА РМ и в РФ МНИИЯЛИЭ. Они представляют собой полевые записи исследователя, сделанные в 1902-1928 гг. в мордовских селениях Казанской, Пензенской, Самарской, Симбирской, Тамбовской и Уфимской губерний. В них зафиксированы различные стороны обрядовой культуры мордвы: праздники, моления, материальные компоненты обрядов.

В диссертации использованы также материалы архивов городов Пензы (ГАПО), Самары (ГАСО), Ульяновска (ГАУО), Бугуруслана (Буг. ФОАОО) и Бузулука (Буз. ФОАОО). Из фондов ГАСО извлечены документы кон. XIX - начала XX вв., в которых содержатся сведения о различных обрядах и праздниках мордовского сельского населения данного региона. Подобные же документы, но относящиеся к 1920-1930-м гг. изучались в архивах городов Бугуруслана и Бузулука. В Ульяновском областном архиве автором подробно был изучен фонд Симбирской духовной консистории. В частности, в данной работе использованы сведения священнослужителей по мордовским приходам сел Игнатово Ардатовского уезда и Бекетовки Сенгилеевского уезда.

Ценная информация по обрядности мокши и эрзи содержится в отчетах и записях мордовских этнографических и фольклорных экспедиций, проводившихся в районах компактного проживания мордвы. Множество сведений по обрядам жизненного цикла, различным сезонным праздникам, а также фольклорные элементы, входящие в них, извлечены из полевых записей Н.Ф.Беляевой, М.Г.Имярекова, Л.С.Кавтаськина, В.Л.Пешоновой, М.И.Чувашева.

В работе использован и полевой материал автора, собранный в этнографических поездках по мокшанским и эрзянским селам Оренбургской, Пензенской, Самарской областей и Республики Мордовия. Во время полевых исследований осуществлялись этнографические и фольклорные записи, которые помогают реконструировать уже не существующие элементы обрядовой культуры мордвы, осветить функционирование обычаев и обрядов в прошлом и показать их современное состояние. В последние годы делались аудио- и видеозаписи, зафиксировавшие бытующие праздники и обряды, сфотографированы наиболее интересные обрядовые моменты, их участники, а также материальные компоненты обрядовых церемоний (костюмы, утварь, ритуальные блюда и т.п.).

Автор надеется, что эти сведения явятся ценным дополнением к уже имеющимся опубликованным источникам и архивным документам по обрядовой культуре мордовского народа.

Структура работы построена в соответствии с поставленными исследовательскими задачами. Она состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, обозначены объект исследования, раскрыта научная и практическая значимость работы, ее новизна, изложены теоретико-методологические принципы и методика изучения проблемы. На этой основе сформулированы основная цель и конкретные исследовательские задачи диссертации.

В первой главе **«Аспекты обрядовой культуры мордвы»** анализируются структурные элементы ритуальных комплексов, субъекты обрядовой культуры, традиционные места проведения обрядов и праздников. Рассмотрение указанных аспектов имеет единую исследовательскую логику и авторский замысел. Он состоит в воссоздании целостной картины функционирования обрядовой культуры мокши и эрзи, что помогает создать представление о ее истоках, историческом развитии и современном состоянии.

Обычаи и обряды мордвы отличаются довольно сложной структурой. Они представляют собой сплав различных элементов: религиозных воззрений, поверий, магических действий, песен, игр, развлечений и др. Все это выражает основные мировоззренческие идеи того или иного обряда и применяется в различных сочетаниях. Практически в каждом ритуале наблюдается «общение» со сверхъестественными существами (божествами, предками), к которым обращаются с различными просьбами, подкрепляя их дарами, а ранее и жертвоприношениями. В качестве даров фигурировали продукты питания, не обмолоченные зерновые культуры, элементы одежды и изделия из текстиля.

Еще одним элементом обрядовой культуры мордовского народа был тотемизм. В его обрядах прослеживаются следы почитания медведя и коня. По поверьям многих финно-угорских народов медведь является помощником и охранителем человека, потому что он, якобы, родственник людей, их собрат. Конь же символизировал все светлое, теплое, весеннее, его изображают существом, непосредственно связанным с солнцем. Кроме того, он символизировал и активную жизненную энергию, плодоносящую силу, что предопределило использование его образа в свадебной церемонии. Недаром, на свадьбе «кони» не только «перевозили» пироги, свадебный поезд, но и желали молодым счастья, исполняли для них частушки эротического характера. Мордва полагала, что лошадей и медведей боятся колдуны и злые силы. Поэтому их черепа держали в качестве оберега в жилах и хозяйственных помещениях.

Надо отметить и такой элемент традиционной обрядности мордвы, как ряженье. В сезонных праздниках она, как и другие народы, широко

практиковала употребление масок, маскарадных костюмов и других его способов. У мокши и эрзи встречались устрашающие маски (которые были персонификацией духов умерших и потусторонних сил), маски животных (Коня, Медведя, Быка), персонажи, олицетворяющие тот или иной обряд (Роштува баба, Пасха, Весна). Надевая маску, люди, особенно в древности, как бы перевоплощались в животное, своего предка или какое-то потустороннее существо. Поэтому изменялись и манеры их поведения – они выходили за рамки общепринятых норм: могли буянить, сквернословить, вольно вести себя с девушками и женщинами. Постепенно этот обычай становится одним из способов развлечения, особенно для молодежи и детей, создания праздничного настроения, как себе, так и окружающим. Кроме того, ряженые были и своеобразными общественными контролерами, которые могли высмеять поведение любого члена общины, наказать детей за шалость, проверить количество и качество выполненной людьми работы.

Практиковалась у мордвы и обрядовая нагота, которая в одних случаях имела продуцирующее значение (во время посевных работ, сбора продуктов к молениям). В других – она использовалась в качестве апотропеического средства (во время *таста озкса* - изгнания саранчи, обряда *опахивания*). Иногда ее использовали для сближения с потусторонними силами как, например, во время гаданий.

Значительное место в обрядовой культуре мордвы занимают разнообразные магические действия, которые проводятся с целью сверхъестественного воздействия человека на какой-либо объект (природную стихию, живое существо или материальный предмет). В качестве основы для их рассмотрения автором данной работе взята классификация С.А. Токарева, который отмечает два ее направления. Во-первых, он анализирует психологическую сторону содержания магических верований, выделяя шесть их *типов: контактную, инициальную, парциальную, имитативную, апотропеическую* (отгоняющую) и *катартическую* (очистительную). Вторая группировка магических действий связана с их социальной направленностью, ролью в жизни людей. С.А. Токарев назвал их *видами магии: вредоносная, военная, половая* (любовная), *лечебная, промысловая* (хозяйственная), *метеорологическая*¹. Практически все они встречаются в обрядах мокши и эрзи.

Бытовали у мордвы и такие обрядовые элементы, как приметы и гадания, с помощью которых люди стремились предугадать будущее. Они были очень разнообразны, хотя, как правило, сходны с подобными действиями у других народов.

В работе перечислены лишь основные элементы ритуальных комплексов, которые наиболее часто фигурируют в традиционной культуре мордвы. Большинство их, возникнув в древности, сохранились в народном быту вплоть до начала XX века, а некоторые (хотя и в трансформированном виде) дожили и до наших дней. Они представляют собой набор реликтовых

---

¹ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.-С 426-432, 434-438

явлений, которые несут в себе религиозные и социально-экономические представления различных эпох. Эти элементы повторяются в разных сочетаниях в обрядах и праздниках, создавая многообразие последних внутри одного этноса.

Основными субъектами обрядовых церемоний традиционно были общинный и семейный коллективы. Они участвовали в ритуалах либо непосредственно, либо через своих представителей (старейшин, глав родовых и семейных объединений). Общинная народная традиция лежит в основе многих молений (*озксов*) мордвы. Коллективные моляны могли быть общесельскими, в них участвовали практически все члены общины (*вель озкс, кереть озкс, литема советама озкс*). Иногда в общественных молениях принимало участие население нескольких общин (*сисем веле озкс*). Община и ее отдельные группы являлись субъектами и таких элементов обрядовой культуры мордвы, как массовых шествий по улицам селений на Рождество, Масленицу, Троицу и другие праздники, игр хороводов и пр.

Семья же являлась основой в обрядах жизненного цикла, хотя и здесь, в большинстве случаев, нужно вести речь о более широком патронимическом родовом коллективе, объединяющем группу родственных семей. Семейный характер носил и ряд молений, которые могли, как дополнять общественные, так и быть самостоятельными. Они были связаны с хозяйственной жизнью семьи, или с событиями в самом семейном коллективе (освящение посевной горсти, *Кардаз озкс*, моление перед началом сватовства).

Субъектами традиционной культуры являлись и различные половозрастные группы крестьянской общины. Для мордвы вплоть до начала XX столетия были характерны обряды, в которых принимала участие та или иная подобная группа (*атянь озкс, бабань озкс, Тейтерень пия кудо*). Ролевые функции половозрастных групп менялись с течением времени. Так, вероятнее всего, на ранних этапах развития этноса хранителями и основными носителями обрядов были старики. Их ведущая роль сохранялась и позже в общесельских (общинных) обрядах, символизирующих единство коллектива, а также в обрядах, связанных с культом предков. Роль же общинного «актива» перешла к взрослым женатым людям, особенно в ритуалах, связанных с культом плодородия (в том числе и рождением новых членов крестьянского сообщества). Это было связано с тем, что именно данная группа являлась основной трудовой силой, от нее зависело и воспроизводство самого этноса. Постепенно, по мере разложения общины и снижения социальной роли обрядовых действий, последние теряли свое значение и все более приобретали игровые формы, в которых главными действующими лицами становились молодежь и дети. В настоящее время в обрядовой сфере на первый план вновь выдвинулось старшее поколение, которое сохраняет память о народных традициях и практически выполняет все обрядовые функции.

Что касается мест проведения различных обрядовых действий, то они определялись образом жизни самого народа. Так как мокша и эрзя раньше проживали преимущественно в сельской местности, то их

общественные моления и праздники проходили обычно на природе (на лесных полянах, лугах, возвышенностях, у водных источников). Местами различных церемоний служили также и улицы поселений, жилые и хозяйственные постройки. На улицах проводились общественные гуляния, катания на лошадях, на Масленицу здесь делали ледяные горки, своеобразные карусели, на Троицу - качели и т.п. В избах существовало несколько сакральных центров: домашний очаг – печь, передний угол избы, дверь. Такие же места были и во дворе (*ванькс тарка* – чистое место, правый угол помещений для скота, ворота). До настоящего времени важным сакральным центром мордовских селений являются кладбища. Они служат не только местами семейных и общественных поминовений умерших родичей, сюда по-прежнему в случае засухи приходят молиться о дожде, а знахарки приводят больных людей.

В главе второй «**Материальные компоненты традиционной обрядности мордвы**» рассмотрен ряд проблем, связанных с местом и ролью материальных элементов в ее обрядовой культуре. Решение этих проблем осуществлено в соответствующих разделах главы: 1. Место одежды в обрядовой культуре; 2. Обрядовые функции пищи; 3. Роль предметов бытового обихода в традиционной обрядности.

Всем этим компонентам, включенным в ритуальные комплексы, присущи различные функции. Например, одежда в обрядовой сфере выполняла экономическую, социальную, эстетическую роли, а также имела и символическое значение. Наиболее ясно экономическое и социальное значение одежды выступало в обычаях заготовки приданого, смены костюма при переходе в другую возрастную группу, а также при общественной демонстрации своего костюма (особенно девушками) на различных праздниках.

Во время обрядовых действий, которые имели определенную символику, одежда приобретала и магические функции (апотропейные, лечебные, продуцирующие и т.п.). Нередко, в этих случаях она и изготавливалась особыми способами (техника шитья, время изготовления, материал). Наряду со специально изготовленной одеждой, в обрядах использовалась и обычная или выходная одежда, которая приобретала при этом ритуальное значение. Например, для закрывания лица невесты могли быть использованы как специально вышитое покрывало, так и фабричная ткань или платок. Повседневная меховая одежда, вывернутая наизнанку, имела сакральный смысл. Иногда для достижения аналогичных результатов, например, охранительного характера, использовались различные магические средства. Во время свадьбы, чтобы предохранить невесту от порчи, ее всячески укрывали, надевали на нее как можно больше одежды (у мокши по несколько рубах), а в обряде *опахивания*, наоборот, апотропейным средством была ритуальная нагота. Отдельные элементы одежды, включенные в костюм, указывали на роль и место участника в определенной обрядовой церемонии (головной убор и «наряд» свахи, полотенца поезжан, длинные *панары* (рубахи) руководителей молений).

Нужно отметить, что традиционный костюм мордвы, постепенно исчезая из повседневного обихода, продолжал долгое время бытовать в обрядовой сфере (костюм основных участников свадьбы, похорон, молений). Поэтому неудивительно, что здесь использовали архаичные формы одежды в виде куска ткани, покрывала, платка, савана, а также причесок (обычай заплетать волосы невесты во множество кос) и обуви (использование лаптей в погребальном костюме).

Костюм и прически еще в начале XX века отражали возрастную дифференциацию и семейное положение, особенно четко это прослеживалось в женской одежде. Отмечались все этапы жизни женщины: маленькая девочка, подросток, взрослая девушка, невеста, молодуха, зрелая и старая женщина.

Большое значение имели различные элементы одежды в обрядах одаривания как людей, так и божеств. Взаимообмен подарками во время свадьбы укреплял союз двух родственных коллективов, соединял их. Дары, которыми наделяли тех или иных участников обряда, были знаками внимания (одаривание родственников во время различных гостей), а также и своеобразной платой за помощь в подготовке и проведении церемонии (одаривание повитухи, стряпух, читальщиц молитв, обмывальщиков и др.).

Материалы об обрядовой роли и символике одежды у мордвы показывают их сходство у мокши и эрзи, хотя имеются и некоторые региональные варианты. Не схожи в основном не содержание обряда, а их выражение, характер исполнения. Так, обряд перемены прически и головного убора молодухи после свадьбы, различался по времени исполнения у мордвы отдельных регионов. Локальные варианты одежды отличались и составными элементами, что предопределялось в большинстве случаев спецификой костюмных комплексов этнических и территориальных групп мордвы.

Надо отметить, что имеются параллели в ритуальном использовании предметов одежды и изделий из текстиля у мордвы и соседних народов Урало - Поволжья, что обусловлено сходством исторического и социально-экономического развития, а также взаимными контактами.

В настоящее время обрядовые функции одежды перетерпели большие изменения. И сам традиционный костюм сохранился в немногих местах, часто в трансформированном виде, как, например у мокши. Поэтому во время обрядовых церемоний люди, как правило, бывают одеты, в так называемую «городскую» одежду. Постепенно забывается магическая символика многих элементов одежды (головных уборов, украшений, вышитых деталей), которые превращаются в знаки добрых пожеланий и примет. Ввиду ослабления религиозно-магических функций костюма, ведущим становится его эстетическое значение. Исходя из этого нередко и сейчас, особенно в сельской местности, для особых случаев продолжают сохранять красочную традиционную одежду, которая усиливает праздничность обстановки и приподнятость настроения.

Еще одним важным компонентом обрядовой культуры является пища. Значение обрядовой еды особенно велико в ритуалах, связанных с важнейшими событиями в жизни человека и переломными моментами года. Так, трапезы переходного времени (Нового года, Рождества, начала весны и др.) основывались на представлениях инициальной (начинательной) магии, или «магии первого дня» - происходящее в это время должно влиять на весь год. Поэтому, чтобы обеспечить себе изобилие на последующий период, в эти дни старались есть сытно и много. Также хорошо кормили и домашний скот, подмешивая в корм остатки ритуальных кушаний. Обильную, сытную пищу готовили не только для людей и животных, но и для божеств и умерших предков. «Кормление» богов и покойных родичей преследовало цель приобрести их расположение в хозяйственных делах, семейной жизни, лечении людей и скота.

Иногда обильная трапеза напрямую выступала как определенная плата людям за какие-то услуги. Человека, помогающего решить какую-либо проблему, обязательно надо было угостить. Особенно ярко эта функция трапезы выступает в обычае общественных *помочей* при сельскохозяйственных работах, строительстве дома, женских *супрядках* и т.п.

Обрядовая пища, общая трапеза, обмен различными продуктами питания служат выражением определенных взаимоотношений между отдельными людьми, родственными, общественными, возрастными и другими группами. При этом исследователи выделяют две ее функции - соединяющую и разделяющую¹, или *эндокухню* (еда для себя, для своей семьи) и *экзокухню* (еда для посторонних, гостей)². Последние различия стали особенно существенными после утраты основных магических и обрядовых функций трапезы - угощения для гостей начали отличаться от семейных застолий парадным характером: составом блюд, их оформлением, сервировкой стола и т.п. Ранее это было не так существенно для обрядовой пищи, так как ее состав был довольно устойчив и схож с повседневным рационом.

Круг участников ритуальной трапезы зависел от характера самого обряда. В ней могли принимать участие практически все члены сельской общины (на сельском молении *велень озкс*) или даже нескольких общин (на молении *сисем велень озкс* - букв. молении семи селений). В других случаях трапеза объединяла отдельные группы людей: половозрастные (*атянь озкс* - моление стариков, *бабань озкс* - женское моление, *авань поза* - женская брага, *стирь озкс* - девичье моление и т.п.), родственные (*атянь пуре* - пиво предков, различные братчины, свадьба, поминки и др.), семейные (моления, посвященные домовым и дворовым божествам, связанные с рождением детей, выбором супруга для сына или дочери). Нередко в обрядовой трапезе,

¹ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 600.

² См: Levi-Strauss. Le triangle culinaire. L' Ars, Paris, s.a.

посвященной одному и тому же событию, наблюдались отличия в ее составе у различных половозрастных групп. Если молодежь, как правило, устраивала коллективную пирушку, причем часто из продуктов, собранных во время обхода домов (на Рождество, Пасху, праздник Вармавы и т.д.), то люди старшего и среднего поколений в большинстве случаев ограничивались семейным или родственным застольем. В последнем случае, за исключением обрядов, связанных с рождением ребенка и поминанием какого-то конкретного человека, семейные группы часто посещали родственные дома, как в своем, так и в соседних селениях. Состав участников ритуальных трапез часто расширялся за счет людей не являвшихся членами родственного и даже общинного коллектива (бедетных, нищих, убогих), а также принадлежащих к другим этносам.

В составе обрядовой пищи преобладали блюда, наличие которых должно было, по народным представлениям, обеспечить благополучие семьи: хлебные изделия, каша, молочные продукты, мясо, яйца. Наибольшее значение во всех ритуальных трапезах мордвы, как и у других земледельческих народов, придавалось хлебу. С ним связывались все основные магические свойства пищи: обеспечение плодородия, здоровья, благоденствия. Подобные же функции приписывались и другим изделиям из теста (пирогам, блинам, лепешкам и пр.). Символами плодородия, достатка и здоровья, по народным представлениям, служили и блюда из орехов, бобов, зерен злаков, а также приготовленная из них каша. Во ряде обрядов, как средство продуцирующей магии, использовались куриные яйца.

Многим другим видам пищи в народе также придавалось магическое значение, часто на основании прямой аналогии. Так, мед и другие сладости должны были обеспечить «сладкую» жизнь. С этой целью мед раньше клали в гроб покойному, а теперь подают в начале поминальной трапезы. С появлением конфет их так же стали использовать в подобной «ролии».

Мясные блюда означали изобилие. Мордва считала мясо птицы (кур, гусей, уток) символом прогенитации (плодовитости). Поэтому, кур целиком запекали в свадебные пироги, а фигура утки, сделанная из теста, часто их украшала.

В состав обрядовых блюд непременно входили напитки. Практически на каждый праздник мордва готовила медовое пиво (*пыре*) и брагу (*поза*). Их пили участники церемонии, часть отделяли богам, выливая на землю около священных деревьев, или в воду, а на домашних молениях – под порог двери. Во время многих обрядов проводилось и такое магическое действие, как обливание людей, животных, посевов ритуальными напитками. Подобным способом старались обеспечить их здоровье, плодovitость и урожайность полей. Эти свойства, приписываемые пиву и браге, во многом определялись тем, что основой для их изготовления служил ржаной солод, то есть сакральные функции, якобы присущие зерну, переходили и на напитки.

Таким образом, в составе и ритуальной применении обрядовой пищи ясно прослеживается связь с хозяйственной жизнью этноса. На достижение хозяйственного благополучия была направлена и значительная часть

магических действий, в которых использовались пищевые продукты. Состав обрядовых трапез и способ приготовления отдельных блюд в течение долгого времени оставались неизменными. Эта тенденция сохраняется и сейчас. В большей степени изменялся состав жертв и даров, что было вызвано изменением социально-экономических отношений, а также религиозных воззрений мордвы. В настоящее время обрядовая еда воспринимается, в целом, как праздничная – ради удовольствия, трапеза становится универсальным и обязательным компонентом любого торжества. В состав праздничных блюд стали включаться такие, у которых полностью отсутствуют какие-либо ритуальные функции (торты, сладости, изделия из рубленого мяса и др.).

Некоторые, появившиеся сравнительно недавно в рационе мордвы виды пищи (рис, саго, картофель), переняли свойства, связанные с традиционными культурами: например, рис стал широко применяться в поминальных трапезах. Вошли в быт мордвы и многие покупные продукты, которые часто заменяют традиционные блюда. Так, в качестве даров повсеместно используются конфеты, печенье, покупной хлеб. Они заменили применявшиеся ранее для этого блины, пироги и каравай домашней выпечки. Изменения коснулись и магических действий, связанных с пищей (гаданий, оберегов, пожеланий благополучия и т.п.). Многие из них исчезли из обрядовой культуры мокши и эрзи, некоторые превратились в развлечения (вскрытие свадебного пирога, «борьба» свахи за украшающие его фигурки из теста), а часть сохранилась как суеверия (еда для душ умерших, которую хранят дома до 40-ка дневных поминок, кладут на могилы во время поминовений и т.п.).

Что касается набора обрядовых блюд и способов их приготовления у основных этнических и территориальных групп мордовского народа, то здесь серьезных различий не наблюдается. Можно отметить лишь некоторые особенности, вызванные разной степенью сохранности тех или иных видов традиционной пищи. Например, у мокшанского населения Республики Мордовия до сих пор блины к тому или иному ритуалу пекут из муки различных видов (пшеничной, гороховой, гречневой). В то время как у эрзи их в основном делают из пшеничной муки, лишь иногда добавляя в тесто для поминальных блинов круто сваренную пшеничную кашу. Сохраняется у мокши и традиция приготовления браги на основе ржаного солода. Эрзяне же, как правило, делают ее из свеклы. А в селах Похвистневского района Самарской области добавляют в сусло еще и тыкву.

Пищевой рацион мордвы, как повседневный, так и обрядовый, имеет много общего с рационом соседних этносов Урало-Поволжья. Это вызвано в первую очередь едиными природно-географическими условиями их проживания, что обусловило сходство основных занятий этих народов (земледелия и скотоводства). Как известно, традиционная кухня полностью зависела от продуктов, получаемых в крестьянском хозяйстве. Поэтому неудивительно, что в обрядности русских, марийцев, удмуртов, чуваш, татар, как и у мордвы, самые разнообразные ритуальные функции выполняли

мучные изделия, блюда из мяса, яиц, разнообразные напитки, приготовленные на основе ржаного солода. Некоторые из них (салма, каймак или куймак, поза или боза, буза) даже имеют похожие названия, распространенные среди народов данного региона.

В обрядовых действиях часто использовали предметы утилитарного назначения: утварь, орудия труда, упряжь и т.п. Включенные в тот или иной ритуал, они приобретали символическое значение: могли указывать на содержание обряда (сундук – *парь* невесты, люлька младенца, серп во время *тарваз озкса* - моления серпа); объединять его участников (*алашат* – палки, изображавшие «лошадей» во время братчин и свадеб); служить атрибутом того или иного персонажа (кнут, коса или сабля старшего поезжанина; пест *Роштува бабы*). Бытовые предметы, как и другие материальные компоненты, выполняли и различные магические функции. Так, в качестве оберегов использовали металлические предметы (ножи, топоры, иглы, сошники), которыми «огораживали» люльку младенца, свадебный поезд, кидали их вслед похоронной процессии, опахивали селение во время эпидемий. Апотропейческими (профилактическими) средствами считались также и шум, производимый ударами о металлические предметы, стрельба из ружья и хлопанье кнутом.

Металлические вещи применялись в обрядах и по своему прямому назначению: с их помощью рубили, резали, кололи. Например, ножницами или ножом «разрезали пути» (нить или ленточку) на ногах ребенка, когда он начинал ходить. Ножом, топором или скребком прорезали в стенках гроба отверстия, похожие на окна. Железные орудия труда фигурировали в обрядах имитации трудовых процессов: «заготовки» дров заместителем умершего, «обмолота» хлеба для покойного, *тарваз озксе* (молении серпа).

В ходе обрядовых церемоний применялась и домашняя утварь, предназначавшаяся для хранения, приготовления и приема пищи. По функциональному назначению можно выделить повседневную, праздничную и ритуальную утварь. В обрядах, естественно, больше использовались два последних вида, хотя и повседневные предметы находили там применение. У мордвы довольно широко были распространены предметы утвари, напоминающие по силуэту птицу, плывущую по воде, чаще всего утку. Ритуальные ковши, а также кружки, чашки и пр., как правило, изготавливали из яблони, которую мокша и эрзя считали наиболее «чистым» и красивым деревом. Ими пользовались на молениях, во время свадьбы из них поили пивом молодых, в дни поминовений яблоневые кружки ставили на стол как для душ умерших, так и для участников поминок. Посуда, которую применяли во время различных молений, должна была быть новой, без изъяна, так как считалось, что если жертвенная пища или напитки оказывались на земле, то это было неприятно богам.

Встречались в обрядовых церемониях мордовского народа и другие бытовые предметы: люльки, с которыми были связаны многие ритуалы детского цикла; сундуки – *пари*, постельные принадлежности, повозки. Часто использовались во время различных обрядов и деньги. Они выступали

как символ достатка и благополучия, в качестве приношений богам и покойным родичам, а также применялись и по своему прямому назначению - для различных выкупов.

В процессе исторического развития материальная среда обрядовых комплексов мордвы сильно преобразилась. С уходом из быта традиционных форм одежды, лица, утвари, орудий труда, исчезали и многие связанные с ними ритуалы: хождение молодухи к своим родителям за лаптями и онучами, выливание дрожжей от пива после окончания обрядов, ритуалы, сопровождавшие изготовление традиционной утвари (парей, люлек) и др. Модернизировался и смысл использования тех или иных материальных компонентов, которые постепенно теряли свое символическое значение и начинали использоваться в развлекательных целях: обычай ряженья, борьба за верхнюю корку или украшение свадебных пирогов, битье горшков. Естественно, что изменяются и сами вещи: их материал, способы изготовления. В основном предметы, используемые в современных обрядах, являются покупными, изготовленными промышленным способом, а не кустарным или ручным, как прежде. В обрядовые действия включались новые компоненты, заменяя или дополняя традиционные. Так, в качестве апотропеев часто стали использоваться церковные атрибуты: кресты, иконы, ладанки и т.п. В традиционных ритуалах появились и предметы гражданской обрядности: ленты с государственной символикой основных свадебных чинов, традиционные повязки у участников похоронной процессии. Таким образом, изменения в экономической и социальной сферах значительно преобразовали и вещно-предметную среду обрядовой культуры мордвы, как впрочем, и других народов.

В главе третьей «**Природные факторы в обрядах и обычаях мордовского народа**» автор ставил перед собой задачу рассмотреть ритуальные функции природных стихий. Ее отдельные разделы посвящены месту и значению таких компонентов традиционных церемоний, как огонь, вода и растительность. Их олицетворяли божества, в основном женские (*Тол ава* – покровительница огня, *Ведь ава* – покровительница воды, *Вирь ава* – покровительница леса). В их честь на предполагаемых местах обитания духов-покровителей (в лесах, у рек, родников) проводились моления (*озксы*). Чтобы божества были милостивы к людям, им приносились дары и совершались жертвоприношения.

Сами же природные стихии выполняли различные роли. Например, многие обрядовые действия с огнем и его производными (углями, золой, головнями) весьма разнообразны. Многие обрядовые действия с огнем принадлежат к магии плодородия. Широко распространенное удобрение почвы золой породило поверье, что костры несут в себе некую благодатную силу. Поэтому, люди стали разбрасывать головни или рассыпать искры по полям. Плодородие земли всегда соединялось в сознании человека с плодородием и здоровьем людей и животных (перепрыгивание через костры, окуривание дымом людей, скота).

Еще одна сторона «огненных» обрядов – жертвоприношение огню. В костры, пламя печи бросали куски ритуальной еды, лили напитки, священным свечам дарили деньги, холст, платочки и т.п. В этом случае, вероятно, выражалось почтение именно огню как стихии, а не божествам олицетворяющим его.

Люди издревле использовали обеззараживающие, очищающие свойства огня, придавая им сверхъестественное значение. Поэтому он применялся в катартических (очистительных) обрядах, которые часто проводились в преддверии больших событий: перед началом годовых сезонов, важных моментов в хозяйственной и личной жизни людей. В эти периоды человек старался очиститься физически и духовно, отгородиться от всякого зла и несчастий. Это очищение иногда принимало рациональные формы: сжигание старых вещей, различного мусора, а иногда – иррациональные: уничтожение масок ряженных, ритуальных чучел, человеческих волос. С очистительными обрядами тесно соседствуют апотропеические и лечебные. Во время них с помощью пламени, или его производных (дыма, золы, углей), старались спугнуть и излечить болезни, прогнать смерть, колдунов и другую нечисть.

Обрядовая роль огня в культуре мордвы не оставалась неизменной. Магические действия с пламенем костров и домашнего очага постепенно забываются. Их ритуальные функции перешли к церковным свечам, которые фигурируют во многих современных обрядах мордовского народа (сезонных праздниках, свадебном, похоронно-поминальном и др.). Окуривание дымом людей, животных, помещений, производимое ранее пучками соломы, факелами, теперь в основном проводится ладаном или богородской травой. В тех же случаях, когда во время какого-либо праздника жгут костры, это воспринимается уже не как ритуальное действие, а как зрелищный момент, который усиливает веселье.

Значительную роль в обрядности мордвы играла вода. Почитание воды, страх перед ней был вызван, в первую очередь, неспособностью понять и объяснить те или иные явления, связанные с ней. Вначале появились различные магические приемы, которые должны были оградить от водной стихии людей, их постройки, суда. Затем зарождаются верования в духов водоемов, породившие различные жертвоприношения (в том числе на ранних этапах и человеческие), которые должны были задобрить божеств. С развитием земледелия появляются молитвы и магические действия не только апотропеического, но и продуцирующего характера, направленные на повышение плодородия полей, людей, скота. Наиболее распространенным магическим приемом при этом является обрызгивание их водой. Обливание водой имело и еще одну функцию – очистительную. В ее основе, вероятнее всего, лежат реальные очищающие свойства воды, которые человек возвел в сверхъестественную способность, пытаясь таким образом устранить влияние всякого зла. Впоследствии подобную роль стали преимущественно отводить воде, освященной в церкви.

Мордва, обычно весной, проводила специальные очистительные обряды, как, например *ванькс озкс* (очищающее моление), *тейтерень*

баня (девичья баня), *кикнай баня* (букв. баня лягушек) и др. Ритуальные омовения проводились и перед праздниками, важными событиями в хозяйственной жизни (пахота, сев, первый выгоно скота на пастбище). Верой в очистительную силу воды, наряду с гигиеническими целями, был вызван и обычай мытья роженцы и ребенка в бане, которую топили три дня подряд после родов. Много очистительных обрядов, связанных с водой, наблюдается в похоронно-поминальном цикле: обмывание покойного, его души, очищение участников похоронной процессии.

С катартическими обрядами тесно переплеталась вера в целительные свойства воды. Действенным средством от многих болезней считалась *ведь пря* (ведь - вода, пря – голова, поверхность). Эта вода, которую брали из родника в полночь или рано утром, и к которой до этого никто не прикасался. Лечебной считалась и вода, взятая из трех источников. Особенно часто вода употреблялась при лечении глазных болезней, лихорадки, бесплодия.

Велика была вера народа и в мантическую (пророческую) силу воды. Широко было распространено использование заговоренной воды, которую нередко применяют и сейчас от сглаза, порчи и т.п. Ей умывают лицо, обмывают все тело, три раза обносят вокруг больного. При различных гаданиях на воду лили расплавленное олово или воск, сыпали золу.

После укрепления в быту мордвы православия, прежние языческие верования, связанные с водой, стали дополняться элементами христианского культа. В первую очередь, это широкое применение воды, освященной в церкви или каком-либо другом месте (водосвятие крещенской проруби, освящение родниковой или речной воды во время обхода крестьянами полей). Святую воду используют и в лечебных, очищающих целях. Ею умываются, поят больных людей, скот, кропят дом от нечистой силы. По-прежнему существует вера и в сакральную силу заговоренной воды. При ее «получении», кроме вербальных средств, теперь часто используются культовые предметы христианства: иконы (их обмывание), кресты, ладан.

Что касается обрядов, связанных с растительностью, то их можно разделить на две большие группы: обряды с живыми растущими деревьями и с деревьями срубленными, а также с ветвями, цветами и другой зеленью. Видимо, первая группа является более древней, она связана с культом священных рощ и деревьев. Это, в частности, выразилось в образе *мирового дерева* или *древа жизни* (*Ине чувто, прощенное дерево, дерево памяти*). У него концентрировалась энергия солнца, воды (*живая вода*) и огня (*живого огня*), зажженного трением. К нему прикреплялись и *штатолы* (священные свечи), как общественные, так и семейные. Под такими деревьями устраивали общественные праздники, совершали жертвоприношения, проводились поклонения силам земли и неба. Около них проводились народные собрания, протекал смотр общественных сил социума, старейшины судили людей.

Наиболее часто в обрядах мордвы фигурируют дуб, береза, липа, яблоня, рябина. Две последние породы деревьев считались «чистыми». Их нельзя было рубить, использовать в качестве топлива. Из яблони, как

уже отмечалось выше, делали ритуальную утварь (кружки, ковши, бочки). Почитание тех или иных пород деревьев, скорее всего, было вызвано их хозяйственным значением. Например, у многих европейских народов священным деревом считался дуб, который отличался крепкой древесиной, долговечностью, имел высокий мощный ствол. Кроме того, на нем росли желуди, которыми питался скот, а при необходимости и люди. Большое применение в хозяйстве имела и липа. Из нее изготавливали посуду, кадки, сундуки, мебель, а также использовали для строительства.

Наряду с почитанием деревьев, в народном сознании закрепились представления о «нечистоте», «проклятости» отдельных их пород. Многие народы считали «проклятым» деревом осину. В настоящее время большинство людей объясняет такое отношение к ней христианскими мотивами. Но вероятно, «нечистота» осины вызвана ее непригодностью в хозяйстве: она не годится для строительства, дрова из нее плохо сохнут, дают мало тепла. Подобное отношение наблюдается и к бузине, которая не просто непригодна для хозяйства, но является источником опасности – ее ягодами часто отравлялись дети. Поэтому это дерево считается обиталищем «нечистых сил».

Кроме представлений о «чистоте» или «нечистоте» тех или иных деревьев, мордва, как и другие народы, соотносила деревья по родам. Дуб, например, является олицетворением мужского начала, силы и твердости. А береза символизирует женское начало, плодovitость, богатство.

Обеспечению плодovitости и благополучия новой семьи служили деревья и в свадебном обряде. До сих пор на эрзянской свадьбе в восточных районах Мордовии используется украшенная лентами и бумажными цветами ветка сосны или ели. Схожими причинами (обеспечение плодovitости людей и скота, благосостояния хозяев) был вызван и обычай сажать около места строительства нового дома какое-либо дерево, чаще всего яблоню, рябину, березу. Деревьям приписывалась и целительная сила. Вера в подобные их свойства, вероятно, берет свое начало от древнейших воззрений людей, которые видели в дереве «умирающем» зимой и «возрождающемся» весной средство для борьбы с болезнями, источник здоровья и физических сил.

В обрядовой культуре мордвы, помимо деревьев, широко была распространены также ветви, травы, цветы. Из них во время весенне-летних праздников делали чучела людей и животных, их использовали в своих костюмах обрядовые персонажи (*Служалат*, *Калинат*, *Вирь ломать*, *Куклат*). Зеленью и цветами, чаще всего венками, украшали себя девушки. Их применяли в кулинарии, народной медицине, различных гаданиях.

Встречался у мордвы и обычай хлестанья людей и скота так называемым «прутом жизни» с целью передачи им живительных сил растений. Данный ритуал совершался на Вербное воскресенье, во время первого выгона скота, на свадьбе, при первом обмывании новорожденного.

Ветви деревьев, травы, цветы фигурировали и в качестве апотропеев (оберегов). Как правило, для этого использовались растения с сильным запахом или горьким вкусом (рябина, сирень, татарник, ладан), что и

должно было, вероятно, отпугивать «нечистую» силу. Их клали в люльку младенца, ставили в передний угол избы или втыкали в дверные косяки. В катартических (очищающих) целях часто применяли богородскую траву, вместо которой сейчас обычно используют ладан.

В зимний период живая зелень обычно заменялась распаренными березовыми ветвями или украшенным веником. Веник или метла служили атрибутами и некоторых обрядовых персонажей (*Покров бабы*, уредева, участников святочных гаданий). Они использовали их в качестве «средств передвижения», «наказания» нерадивых хозяев и непослушных детей, а также берегов.

Полевые материалы автора и других исследователей, изучающих обрядность мордвы, свидетельствуют, что в настоящее время ритуалы, связанные с культом священных деревьев и роц, почти не сохранились. Второй же вид обрядовых действий, где фигурируют ветви, цветы, травы довольно широко распространен и сейчас. Хотя постепенно забываются такие их функции, как апотропеическая, продуцирующая и др., а на первый план выдвигается эстетическая роль зелени. И в наше время на многие праздники, особенно в весенне-летний период, для украшения домов, улиц, церквей из цветов и веток деревьев плетут гирлянды, девушки надевают на голову венки. На Троицу зеленью и венками убирают могилы. Широко распространенным стал обычай дарения букетов цветов.

Таким образом, роль растительности и других природных стихий в обрядовой культуре мордвы многофункциональна. Часто эти элементы сочетаются во время проведения обряда. Например, такие противоположные стихии как огонь и вода нередко играют одну и ту же ритуальную роль берега, очищения. Оно производится либо путем омовения, либо окуривания, либо перепрыгивания через костер. При совершении подобных обрядов в воду нередко клали золу или угли (очищение участников похоронной процессии, лечебные процедуры). В люстрационных обрядах к этим двум элементам часто присоединяется растительность. Так, чучело или маски ряженных, которые часто делались из зелени, сжигались или топились в воде. Способ выражения какой-то идеи через несколько элементов виден и в обычае зажигать свечи на почитаемых деревьях (здесь огонь и зелень выступают как символы жизни), бросать в воду наряженную березку или травы (в данном случае вода и зелень олицетворяют продуцирующие силы) и т.п. Таким образом, отдельные элементы, варьируясь в различных ритуалах, создали их многообразие.

Рассмотренный материал позволяет сделать заключение, что у различных этнических и территориальных групп мордвы сложилась в основном единая структура обрядности. Во многом она сходна с подобной структурой у народов Урало-Поволжского региона, а также и у других этносов, принадлежащих к единому с мордвой культурно-хозяйственному типу (например, восточных славян), хотя, естественно, внутри обрядовой сферы одного этноса выявляются многочисленные локальные варианты. Но они, как правило, отличаются не основными составными элементами,

а второстепенными. Во многом появление таких различий зависит от контактов той или иной группы народа (как этнической, так и территориальной) с другими этносами. Например, появление в свадебном обряде некоторых мордовских сел Самарской области наряженного дерева – *красотки* было следствием влияния русского населения, проживающего по соседству. У тюркских народов Поволжья был заимствован термин *куймак*, которым эрзя восточных районов Республики Мордовия называет открытые пироги с картофельной или творожной начинкой. Есть примеры и противоположных взаимовлияний. Так, русские жительницы юго-западных районов Мордовии переняли у мокшанок обычай повязывать поверх головного убора белый холст или платок (сложенный по длине), когда они идут на похороны или поминки.

Отличия в обрядовых комплексах различных групп мордвы часто были вызваны и разной степенью сохранности тех или иных обрядовых компонентов. У теньгушевской эрзи (шокши), к примеру, еще в 20-30-е гг. XX века, прочно сохранялась традиция смены женщинами своих головных уборов при переходе в другую возрастную или социальную категорию. А у остального мордовского населения, к этому времени данный обычай практически был утерян. Сейчас тенденция исчезновения из повседневного быта народа элементов традиционной обрядности многократно усилилась. Они продолжают сохраняться лишь отдельными фрагментами в среде различных региональных групп мокши и эрзи, что также может создать впечатление существования у них каких-то специфических вариантов ритуальных церемоний.

В более или менее полном объеме комплекс обрядов и обычаев у мордвы бытовал вплоть до начала XX века, что было обусловлено длительным сохранением традиционного бытового уклада и форм мордовской семьи. В дальнейшем, в результате коллективизации крестьянского хозяйства, борьбы с религией, которая тесно была связана с обрядностью, эта сфера народной культуры стала заметно сокращаться. Конечно, ее трансформация наблюдалась и раньше. Так, к концу XIX века среди мордвы прочно укрепилось христианство. Это привело к тому, что многие обряды и праздники стали приурочиваться к датам церковного календаря, к дням памяти православных святых. Многочисленные имена святых проникли в народный календарь, вытеснив дохристианские божества, или слившись с ними. Древние мордовские традиции постепенно переплетались с церковными канонами. Например, на моления (*озксы*) приглашались священники, которые благословляли собравшихся иконами, обрызгивали их водой, освященной в церкви. До сих пор при отпевании покойников в храме мордовские женщины исполняют по ним причитания. Такое взаимное приспособление дохристианских и православных верований привели к прочному сплаву - синкретизму, где уже трудно различить, что тут свое, местное, а что привнесено христианством.

С начала XX столетия наблюдалась и еще одна тенденция в обрядовой культуре мордвы – это постепенное оттеснение на второй план ее

магического смысла, хозяйственных мотивов. Многие обряды, особенно сезонные, превращались в чисто увеселительные действия. Развлекательный характер стали принимать и некоторые ритуалы свадебного и родильного циклов, имевшие ранее сакральное значение.

Трудно сказать, чем бы завершились эти процессы трансформации традиционной обрядности. Возможно, по аналогии, например, с западноевропейскими народами, массовые празднества могли принять форму своеобразной демонстрации народного искусства: танцев, песен, национального костюма, спортивных игр. Но естественное развитие мордовской крестьянской общины, а с ней и ее культуры было прервано. Так как практически все обычаи и обряды были тесно переплетены с религиозными верованиями, против них велась борьба как с вредными, отсталыми явлениями.

В 1920-30-е гг., в быт народа стали насильственно внедряться так называемые «безрелигиозные традиции»: «красная» пасха, «октябрины», «комсомольская» свадьба и пр. В 1960-70-х гг. эта работа была продолжена. Стали открываться дома бракосочетаний, практиковалось празднование проводов зимы, дней урожая и т.п. В эти годы издавалось много литературы, которая должна была способствовать распространению новой обрядности. К сожалению, в большинстве случаев ее внедрение в быт сопровождалось большой заорганизованностью, формализмом. Организаторы данной работы подчас игнорировали самобытную культуру народов нашей страны, стремились создать однотипные, общесоветские обряды и праздники, которые были оторваны от вековых этнических традиций.

Все это привело к ломке механизма внутринациональной передачи культурных ценностей между поколениями, сокращению числа их носителей. В свою очередь, данные факторы повлекли за собой сужение сферы бытования народных обрядов и обычаев. А ведь они, кроме эстетической, выполняли также воспитательную, этическую функции, играли немаловажную роль в консолидации этноса, регулировании устоев народной жизни. Они и в настоящее время имеют большое значение, так как после крушения советской идеологии еще не выработаны эффективные меры приобщения молодого поколения к гуманистическим нормам морали, общечеловеческим ценностям. И здесь можно использовать многое из практики обрядовой жизни народа, особенно те ее стороны, которые направлены на воспитание чувства коллективизма, этнической солидарности, толерантности, добрососедства, рационального отношения к экологии, укрепление семьи.

Публикации по теме диссертации:

1. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура. Формы бытования. Монография. Саранск: МГПИ, 2000. 9,4 п.л.
2. Обряды жизненного цикла у мордвы. Учеб. пособие. Саранск: МГПИ, 1996. 2,0 п.л.
3. Сезонные обряды мордвы. Учеб. пособие. Саранск: МГПИ, 1999. 4,0 п.л.

4. Семья и семейные обряды // Мордва Заволжья. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1994. 3,0 п.л.
5. Семейные обряды мордвы // Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1995. 2,6 п.л. (в соавторстве с В.А.Балашовым и Т.П.Федянович).
6. Общее и особенное в этнокультурных контактах мордвы Мордовской АССР и Куйбышевской области // Этнические аспекты культурно-бытовых процессов в Мордовской АССР. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1987. 1,0 п.л.
7. Этнические традиции в современной свадебной обрядности мордовского сельского населения Куйбышевской области // Бытовая культура мордвы. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1990. 1,0 п.л.
8. Традиционные календарные праздники в жизни мордовского сельского населения // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. 0,5 п.л.
9. Предметный мир календарных обрядов мордвы // Финно-угроведение. 1994. №2. 0,5 п.л.
10. Некоторые архаичные представления финно-угорских народов Волго-Вятского края (по материалам погребальных обрядов) // История и культура Волго-Вятского края. Киров, 1994. 0,1 п.л.
11. Этнодемографическая характеристика современного мордовского населения Пензенской области // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Lyuashuja, 1995. 0,1 п.л.
12. Значение хлеба и каши в свадебных обрядах мордвы (по материалам М.Е.Евсевьева) // Мордовское просветительство: истоки, проблемы, направления развития. Материалы XXXI Евсевьевских чтений. Саранск, 1995. Ч.1. 0,3. п.л.
13. Обряды и поверья мордвы, связанные с растительностью // Возрождение мордовского народа. Материалы науч. конференции. Саранск, 1995. 0,2 п.л.
14. Свадебная обрядность мордвы как историко-этнографический источник // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. 0,1 п.л.
15. Женские обрядовые функции в мордовской общине (конец XIX-начале XX века) // Финно-угроведение. 1996. №4. 0,3. п.л.
16. Обычаи мордвы, связанные с совершеннолетием девушек // Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях (на примере региона Среднего Поволжья). Тезисы региональной конференции. Сарапул, 1997. 0,2 п.л.
17. Роль пищи в календарных обрядах мордвы // Язык, музыка, культура. Материалы XXXII Евсевьевских чтений. Саранск, 1997. 0,2 п.л.
18. Обычаи и обряды мордвы, сопровождавшие социовозрастные изменения в молодежной среде // История, образование и культура народов

Среднего Поволжья. Материалы Всероссийской науч.- практической конференции. Саранск, 1997. 0,2 п.л.

19. Традиционные формы коллективного общения мордвы Самарского края // Этнос и культура. 1997. №1. 0,3 п.л.

20. Мордовский народный костюм - важнейший компонент материальной культуры этноса // История мордовской культуры. Программы спецкурсов. Саранск: МГПИ, 1997. 0,6 п.л.

21. Состав и функции религиозно-магических элементов в обрядах мордвы // II Международный конгресс этнографов и антропологов. Резюме докладов и сообщений. Ч.2. Уфа, 1997. 0,1 п.л.

22. Роль одежды в обрядах детского цикла у мордвы // Традиционная культура и мир детства. Матер-лы межд. науч. конференции «XI Виноградовские чтения». Ульяновск, 1998. Ч.1. 0,6 п.л.

23. Дохристианские представления мордвы о покровителях жилых и хозяйственных построек. // Филологические заметки. Саранск, 1999. 0,6 п.л.

24. Сокамань-видемань сядонголень илатне // Мокша. 1999. №5. 0,4 п.л.

25. «Девичий праздник» в традиционной культуре мордвы // Динамика состояний социума. Саранск, 1999. 0,1 п.л.

26. Обрядовый огонь в традиционной культуре мордвы // III Конгресс этнографов и антропологов России. 8-11 июня 1999 г. Тезисы докладов. М., 1999. 0,1 п.л.

27. Весенний цикл обрядов и праздников мордвы // Странник. 2000. №2. 0,4 п.л.

28. Ритуальное значение пищи в традиционной культуре мордвы // Культурная целостность и толерантность Поволжской этничности в современном цивилизованном пространстве. Тезисы и материалы межрегиональной научно-практической конференции. Самара: Изд-во Сам.ГПУ, 2000. 0,2 п.л.

29. Головные уборы мордовских женщин – показатель их социовозрастного статуса // Финно-угорский мир: история и современность. Матер-лы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Секции исторических и педагогических наук). Саранск: Историко-социологический институт МГУ им.Н.П.Огарева, 2000. 0,2 п.л.

30. Мезьса шафка-каряфка ? ... // Мокша. 2000. 0,4 п.л.

31. Культура материальная // Мордовия: Энциклопедия / П.Д.Грузнов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2001.- С.342.

32. Обряды поминальные // Мордовия: Энциклопедия / П.Д.Грузнов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2001.- С. 461.

33. Обряды похоронные // Мордовия: Энциклопедия / П.Д.Грузнов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2001.- С. 461-462.

34. Обряды родильные // Мордовия: Энциклопедия / П.Д.Грузнов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2001.- С. 462.

35. Свадьба // Мордовия: Энциклопедия / П.Д.Грузнов. Саранск:

Мордовское кн. изд-во, 2001.- С. 575-576 (в соавторстве с Н.Ф.Мокшиным).

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Koff'.

Подписано в печать 14.09.01. Объем 2,0 п.л. Тираж 100 экз.
Мордовский государственный педагогический
имени М. Е. Евсевьева
Заказ № 89
Лаборатория множительной техники
430007, Саранск, ул. Студенческая, 11а.

